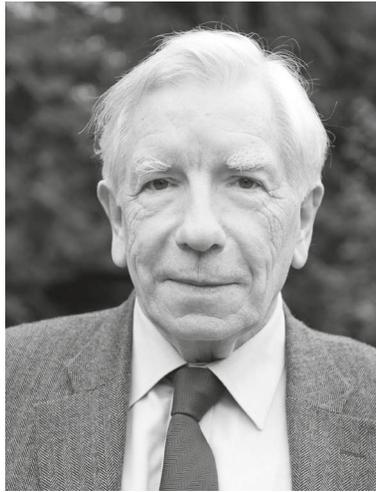

ФЕРГЮС МИЛЛАР
(5.VII.1935 – 15.VII.2019)

Редакционная коллегия и редакционный совет «Вестника древней истории» выражают самые искренние соболезнования семье, друзьям, ученикам и всем коллегам Фергюса Миллара. Он не раз публиковался в нашем журнале, многие из нас знали его лично, встречались с ним в России и за ее пределами, состояли с ним в переписке. Фергюс Миллар внимательно следил за развитием науки в нашей стране, был иностранным членом Российской академии наук и поддерживал ее в трудные моменты: он был среди тех иностранных коллег, кто выразил свой протест против реформы РАН 2013 г. Нам будет очень его не хватать.

* * *

Слова «крупнейший историк» могли бы показаться привычным штампом некрологов, но сэр Фергюс Миллар был одним из немногих историков античности, про которых можно без преувеличения сказать, что они не только были в центре научной дискуссии при жизни, но и навсегда изменили то, как мы понимаем историю Средиземноморья и Ближнего Востока в греко-римский период. Если говорить об историках Римской республики и ранней Империи, хватит пальцев одной руки: после титанического вклада Моммзена и Ростовцева, пожалуй, только самого Миллара и его учителя, сэра Рональда Сайма, можно всерьез рассматривать в этой категории. За шесть десятилетий неустанного научного труда Миллар внес основополагающий вклад в три разные дисциплины: историю ранней Римской империи, которой посвящена самая знаменитая из его монографий, историю поздней Римской республики и историю Ближнего Востока (в особенности Иудеи) от эллинистического периода до поздней античности. Эта краткая характеристика не отражает всего многообразия его научных интересов, которые включали в себя и языковую культуру Северной Африки римского времени, и христианский Восток, и античную историографию от Полибия до Кассия Диона (которому была

посвящена первая монография Миллара, «A Study of Cassius Dio»), и практические проблемы доставки наличности на римское пограничье. В наши дни всё более узкой специализации его отличала поразительная открытость к новым подходам, новым точкам зрения, новым типам источников.

Характерно, что в эпилоге к трехтомнику своих статей, вышедшему в 2002–2004 гг. («Rome, the Greek World, and the East»), он предложил две возможные реконфигурации антиковедения: во-первых, историческую дисциплину, в центре которой было бы не Средиземноморье, а Левант, а основными языками служили бы не латынь и греческий, а греческий и арамейский; во-вторых, новый подход к изучению древних языков, при котором студенты изучали бы не «канонические» тексты, дошедшие до нас в средневековых рукописях, а тексты, дошедшие непосредственно из древнего мира, как литературные, так и (в первую очередь) документальные. Не в меньшей степени его характеризует и то, что, изучив уже на пенсии ближневосточные языки (его стремительность и энтузиазм в классах арамейского и сирийского изучали студентов на 50 лет его моложе), за следующие десять лет Миллар опубликовал столько исследований самого высокого научного уровня в новой для себя области, что его статьи 2004–2014 гг. составили том более чем в 800 страниц («Empire, Church and Society in the Late Roman Near East»), и это не считая его отдельно опубликованных лекций в Британской Академии о мультилингвизме на позднеантичном Ближнем Востоке («Religion, Language and Community in the Roman Near East: Constantine to Muhammad»).

Столь же типично и то, что хотя Миллар не был археологом, его книга о римской демократии («The Crowd in Rome in the Late Republic») была первой, в которой всерьез принимается во внимание историческое значение раскопок Филиппо Коарелли на римском Форуме, а в своей рецензии на «Классовую борьбу в древнегреческом мире» Дж. де Сент-Круа в «London Review of Books» за 1982 г. он предложил целую программу исследований общественных отношений, основанную на археологии, не воплощенную в жизнь ни самим де Сент-Круа, ни в советской марксистской историографии. Панорама муниципальной жизни и взаимодействия региональных культур в его «Римском Ближнем Востоке» («The Roman Near East, 31 BC – AD 337») была основана на прекрасном знании не только письменных источников, но и ландшафта и раскопок по всему региону, а его последней инициативой в Британской Академии было присуждение академической медали за 2017 г. монументальному исследованию топографии римских восточных рубежей Т.Б. Митфорда.

Охватить все научное наследие Миллара в кратком некрологе невозможно. Три основные черты, однако, характеризуют его в целом: постановка больших вопросов о системе социально-политических отношений и способов социальной коммуникации, выход за пределы любого канона в поисках новых источников, развитие теории изнутри материала. В последнем было его расхождение с его современником Китом Хопкинсом, который подходил к античной истории с позиций социолога. Миллар не был ни социологом, ни (за пределами собственно древней истории) компаративистом, хотя современную историю знал прекрасно. Он опирался на исчерпывающее знание массива античных источников по любой теме, за которую брался, и всегда был готов отбросить наслоения общепринятых взглядов и вернуться к тому, что в этих источниках содержится. На этом пути он достигал поразительно оригинальных результатов.

Здесь будет достаточно упомянуть его модель римской императорской власти, выдвинутую в знаменитых статьях 1960-х и 1970-х годов и подробно обоснованную в монументальной монографии «Император в римском мире» («The Emperor in the Roman World»), вышедшей в свет в 1977 г. До Миллара в изучении политического устройства Римской империи господствовали два подхода: конституционный, связанный в первую очередь с именем Моммзена и предполагавший установление правовой базы императорского режима, и просопографический, ведущим представителем которого был Рональд Сайм, исследования которого были сосредоточены на реалиях властных отношений внутри римской политической элиты. Миллар выбрал совершенно новую точку зрения: он сосредоточил внимание на том, как императорская власть воспринималась извне Рима, и на том, какую модель власти предполагала засвидетельствованная в источниках практика взаимодействия императора с обитателями Италии и провинций. Получившаяся модель была достаточно далека и от взглядов Моммзена, и от взглядов Сайма, но имела много общего с монархиями позднего средневековья и раннего Нового времени. В этой перспективе власть императора была безусловно монархической и требовала постоянного личного участия, но функционировала в основном под влиянием внешних стимулов, в первую

очередь коллективных и личных прошений от подданных, без серьезных возможностей и большого интереса к формулированию последовательной политики. Милларовский император определялся не своими личными качествами, как у античного биографа, не точной правовой формулировкой своих полномочий, и даже не своим политическим окружением, а социальными ожиданиями подвластных городов и населения империи в целом и необходимостью им соответствовать в практике управления. Говоря собственными словами Миллара, «император был тем, что он делал» (the emperor was what the emperor did). В значительно более поздней монографии он показал, как аналогичный метод можно приложить к позднеантичной империи Феодосия II, используя в первую очередь материалы церковных соборов, которыми пренебрегали историки светской власти («A Greek Roman Empire: Power and Belief under Theodosius II»).

Значение Миллара как историка не исчерпывалось публикациями. И в Оксфорде, где он провел большую часть своей научной карьеры и занимал престижнейшую Кэмденовскую кафедру древней истории в 1984–2002 гг., и в Лондоне, где он был профессором древней истории в 1976–1984 гг., Миллар стоял у истоков современной культуры многочисленных еженедельных научных семинаров и находился в центре научной жизни не только благодаря своим многочисленным аспирантам, но и неподдельному интересу к научной работе каждого, кого он встречал. Даже после его выхода на пенсию еженедельный утренний кофе в оксфордском Восточном Институте служил местом сбора и знакомства для ученых не только из Оксфорда, но и со всего мира, включая антиковедов, гебраистов, арабистов, иранистов и многих других. В этом содействии живому научному общению не было ни малейшего стремления к академической власти (неустанная борьба за внутриуниверситетскую демократию часто вредила ему в глазах университетского руководства) или к лепке учеников по своему образу и подобию. Один из первых его учеников (и премник по кэмденовской кафедре), Алан Боумэн, в надгробном слове вспомнил совет, данный ему Милларом в годы студенчества: «Быть историком значит иметь точку зрения и развивать ее». Он стремился не к тому, чтобы эта точка зрения у учеников совпадала с его собственной, а к тому, чтобы дать им возможность ставить вопросы по-своему.

Говоря о роли Миллара в содействии научному общению, невозможно не упомянуть его роль в налаживании научных контактов между российским и западным антиковедением после исчезновения «железного занавеса». Как и многие другие британские ученые его поколения, он выучил русский язык, когда служил по призыву в начале 1950-х: на языковых курсах он поражал однокашников способностью выполнить домашнее задание, занимавшее у остальных целый вечер, пока они проезжали три остановки на метро. Британский флот едва ли получил от этого большую пользу, но приобретенные знания сослужили Миллару хорошую службу при знакомстве с русской и советской историографией. Уже в 1990-х годах знакомство с Г.М. Бонгард-Левиным на почве общего интереса к научному творчеству Ростовцева привело к выступлениям на конференциях в Москве и Санкт-Петербурге и к публикации написанной по-русски статьи о раскопках в Дуре-Европос, опубликованной в ВДИ (1996. № 3. С. 184–187); впрочем, насколько мне известно, русский язык статьи кое-чем обязан А.Л. Смышляеву. За ней последовали (уже на английском) статья о попытках восстановления Иерусалимского Храма в IV в. н.э. (ВДИ. 2008. № 1. С. 19–37) и статья о Кирилле Скифопольском в «Monumentum Gregorianum», посвященная «памяти доброго друга и коллеги». Анализ коротенькой истории из жития Саввы Освященного о найме сарацинских верблюдов палестинским монахом в конце этой статьи дает блестящий пример исследовательского метода Миллара в миниатюре: из деталей житейного анекдота рождается образ монетизированной экономики, объединявшей монастыри и племенную жизнь Иудейской пустыни. На протяжении многих лет Миллар возглавлял комитет Британской Академии по научному обмену с Россией и странами Восточной Европы, а 3 июня 1999 г. Российская академия наук избрала его своим иностранным членом по отделению историко-филологических наук (ВДИ. 1999. № 4. С. 223). К своему членству в Академии он относился всерьез, как и ко всему, за что брался, и в июле 2013 г. обратился с открытым письмом к В.Е. Фортову, выражая глубокую тревогу в связи с тогдашней реформой РАН.

Долгие годы едва ли не каждодневное присутствие Миллара в библиотеке служило примером начинающим историкам, но в свою последнюю зиму он перестал приходить: врачи ничего не могли поделать с сердечной слабостью после операции. Вскоре его предупредили, что жить ему осталось недолго. Он переживал за жену, с которой они прожили вместе 60 лет необычайно счастливо и с глубоким взаимным уважением, но ожидание смерти переносил без малейших жалоб, лишь иногда позволяя себе слегка саркастическое раздражение по поводу того, что

быстро устает и не может работать. За десять дней до смерти, когда врачи отправили его домой, он отпраздновал свой последний день рождения за кофе в Восточном Институте: коллеги и ученики собрались от Калифорнии до Израиля. Фергюс, как всегда, говорил о науке и знакомил людей друг с другом. Таким он и останется в памяти тех, кто там был. Светлая память!

Georgy Kantor,

St John's College, University of Oxford,
Oxford, UK

E-mail: georgy.kantor@classics.ox.ac.uk

Г.М. Кантор,

доктор философии (D. Phil.), преподаватель
Колледжа св. Иоанна, Оксфордский
университет, Оксфорд, Великобритания

ГАУГН-ПРЕСС